

тике, а также по ряду гуманитарных дисциплин: этике, эстетике, культурологии и т.п. Это позволит учителю постоянно развиваться, оставаясь новым и интересным для своих учеников.

Таким образом, в настоящий момент важную роль играет обеспечение непрерывности педагогического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зритнева Е.И., Клушина Н.П., Лобейко Ю.А. Непрерывное образование в педагогической деятельности: теоретико-методологические аспекты исследования // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. – С. 207-217.

2. Добродеева И.Ю. Формирование сознания будущего учителя при изучении курса «Профессиональная этика» // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: сб. материалов науч.-практ. конф. – Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2020. – С. 44-46.

УДК 101.8

В. Д. Жукоцкий, д-р ф. наук, проф. (ТюмГУ, г. Тюмень);

З. Р. Жукоцкая, д-р культурологии, проф. (БИП-Университет права и социальных коммуникаций, г. Могилев)

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП «ИДЕОЛОГИИ»

А. А. БОГДАНОВА

Понятие идеологии у А. А. Богданова связано с активным проявлением организационной функции в обществе. Идеология вовсе не есть пассивная форма, простой слепок существующих производственных отношений, как это поспешили определить иные «последователи» Маркса, взявшие за абсолют то, что сам Маркс определял лишь литером А, за которым еще должны последовать многие другие. Богданов не боится брать на себя эту работу, к которой рука Маркса не прикасалась. При этом он убежден, что движется в рамках марксовской парадигмы. Социальная диалектика Маркса – это вовсе не движение от «первичного» к «вторичному», это не линейный процесс детерминации сознания бытием, а сложная игра формы и содержания, сущности и явления. Метод редукции – *сведения* всего многообразия общественной жизни к «бытию», да еще в узко классовом его понимании, это не метод Маркса. Чтобы это понять, и нужно разобраться в смысловой нагруженности идеологических форм, как автономных «субъектов» социального взаимодействия.

Беда в том, считает Богданов, что «весь огромный вопрос об идеологиях, то есть формах речи, мышления, права, морали и пр., вопрос, охватывающий обширную область социальных наук, обычно рассматривался вне представления о *социальной организации как целом*, части которого связаны необходимой жизненной связью. Марксизм впервые определенно выяснил эту связь, но *не полностью*, а лишь частично, одну ее сторону, – зависимость идеологии от отношений производства как форм вторичных или производных от форм основных. Он оставил без выяснения *объективную роль* идеологии в обществе, ее *необходимую социальную функцию*: в организованной системе каждая часть или сторона дополняет собою другие части или стороны, и в этом смысле нужна для них *как орган целого*, имеющий особое назначение. В отдельных случаях марксизм подходил к такой задаче, устанавливая, что та или иная идеология служит интересам того или иного класса, закрепляет условия ее господства или является его оружием в борьбе против других классов. Но он не ставил вопроса в *общей форме*, и для многих важных случаев брал без критики старые, донаучные формулировки; например, искусство считал простым украшением жизни, науки математические и естественные внеклассовыми, высшие научные истины – чистыми, независимыми от общественных отношений.

Организационная точка зрения сразу изменила эти понятия, устранила их пестроту и неопределенность, указала действительное и необходимое место идеологии в жизни общества. Это – *организующие формы* для всей практики общества или, что тоже, ее *организационные орудия*. Они действительно определяются в своем развитии условиями и отношениями производства, но *не только как их надстройки*, а именно так, как формы, *организующие* некоторое содержание, *определяются* этим содержанием, *приспосаблиются* к нему». (Курсив - В.Ж.) [1, с. 110]. Тем самым Богданов открывает заново марксовскую идею онтологического статуса сознания «объединившихся индивидов» из *неизвестного* ему раннего Маркса, – русский философ не был знаком ни с «Рукописями 1844 года», ни с «Немецкой идеологией» и фактически интуитивно воспроизводит Марксову мысль, при этом, не боясь ошибиться и существенно дополнить уже *известного* Маркса. Разумеется, и сам Богданов не избежал печати эпохи с ее культом классового подхода во всем, включая «классовое искусство» и «классовую науку». Но смысл, который он вкладывает в эти понятия, значительно расширяет их горизонт и выводит за рамки узкоклассового и узкопартийного понимания проблемы. Статус *его* идеологии качественно иной, чем статус простого «орудия классовой борьбы».

Богдановское понятие идеологии, как «организующей формы» и «организационного орудия», впервые ставит вопрос об идеологии *после* идеологии, в том числе и после «марксизма как идеологии», когда сама идеология становится как бы марксизмом в широком смысле слова. Понятно, что речь в данном случае идет не о марксизме Маркса в его классических определениях, и даже не о совокупности марксизмов его последователей, адекватных и не очень. Речь идет о перспективе ничем не ограниченного развития самой парадигмы единого гуманитарно-естественнонаучного знания, – выхода на качественно иной тип общественного развития, а с ним и качественно иной тип идеологии *без* «идеологии». Если коротко – это идеология, свободная от необходимости использования фетишистских форм, или, как минимум, свободная от их доминирующего положения в общественной системе. В этом смысле *новейший кризис идеологии*, по Богданову, «равносилен полной гибели всякой идеологии». В этой гротесковой форме формируется радикализм перехода к ее новому качеству.

Для Богданова революция – в идеологии, она же *культурная революция* – «наиболее поразительная из всех», и именно она подготавливает «новую фазу жизни человечества». Победа пролетариата достигается не захватом политической власти и не вытеснением капиталистического способа производства социалистическим, как первоочередным, а прежде всего созданием нового качества культуры, с ее внутренним демократизмом и приобщением к себе всех членов общества или их большинства на началах коллективного единства, продуктивного сотрудничества. Богданов убежден, что действие главного тектологического закона, *системного принципа*, должно быть максимально осознанным и целенаправленным. Его формула гласит: «В процессе сотрудничества *целое* всегда больше суммы своих частей. Из совместной работы рождается новая коллективная сила. <...> Тут и лежит *начало* идеологического общения людей» [2, с. 20]

Таким образом, не только содержательная компонента, но и сама идеологическая форма нацелена на достижение этого системного эффекта в структурах общественной организации. Драматизм ситуации в том, что чем больший антагонизм наблюдается в этих структурах, тем большая нагрузка ложится на идеологический компонент единства, который, не справляясь со своей задачей в рамках адекватных идеологических форм, вынужден создавать искусственные *фетишистские* формы. Человечество в своей предыстории вынуждено было жертвовать меньшим – адекватностью мировосприятия и миропознания – ради спасения главного – самой целостности своего бытия, выживания и

приспособления *человеческого* в нечеловеческих обстоятельствах природной и социальной среды. Но в любом случае фетишистские идеологические формы отражали характер и тип исторической деятельности, уровень развития организационных способностей человека. А они возникают и реализуются в коллективе, пространстве социального. Не только «язык и разумная жизнь», но и сама фонетическая основа языка происходит из обстоятельств коллективной жизни людей и в буквальном смысле продиктованы ею.

Все это подводит к одному общему выводу. Развитие фетишистских форм идеологии создает искаженную картину мира, которая хотя и позволяет выжить «здесь и сейчас», но существенно ограничивает возможности и перспективы человека. Суть этой картины в том, что утрата действительной связи человека с человеком получает законодательный статус и компенсируется силой фантастических образов и «понятий». Богданов убежден: «разорванный коллектив создает фетишистские понятия; в них он не сознает себя как целое, в них и действительность и мышление отрываются от «конкретной человеческой деятельности»; а тем самым и между ними порождается глубочайший разрыв, так что сама связь их становится неразрешимой загадкой». Следовательно, будущее за практическим разрешением проблемы, которое не устраняет идеологию, а придает ей синергетический смысл организационного единства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов, А.А. Всеобщая организационная наука. (Тектология) /А. А. Богданов. Часть II. Изд. Третье, доп. и исправ. Л.–М.: Книга, 1927.